

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
“НАСЛЕДИЕ АЛЕКСАНДРА ВЕСЕЛОВСКОГО
В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ”**

**INTERNATIONAL SCHOLARLY CONFERENCE
“THE LEGACY OF ALEXANDER VESELOVSKY
IN A GLOBAL CONTEXT”**

24–25 октября 2016 г. в Каминном зале Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва, ул. Поварская, д. 25а) прошла Международная научная конференция “Наследие Александра Веселовского в мировом контексте”. Помимо отечественных, в ней приняли участие исследователи из США, Италии и Беларуси. Российские докладчики были представлены, в основном, сотрудниками ИМЛИ РАН и других учреждений Москвы (Российского государственного гуманитарного университета, Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино), но также включали в себя членов научных сообществ Санкт-Петербурга, Тюмени, Новосибирска. Всего в рамках конференции было проведено четыре заседания, на которых было заслушано в общей сложности 20 докладов и представлена презентация проекта “Биография А.Н. Веселовского”. Конференция сопровождалась интернет-трансляцией.

Мероприятие было приурочено к 110-й годовщине со дня смерти Александра Николаевича Веселовского (1838–1906), который вошел в историю науки как выдающийся теоретик и историк мировой литературы, оказавший значительное влияние на становление и развитие практически всех отраслей филологического знания. Конференция стала знаком повышенного интереса к научному наследию Веселовского на рубеже XX–XXI вв. не только в России, но и за рубежом. Пристальное внимание вызвали концептуально-методологические разработки русского ученого второй половины XIX — начала XX в. в области генезиса, типологии и эволюции как фольклорных, так и литературных родов и жанров; его сравнительно-исторические исследования; идеи психологии творчества; рецепция литературных текстов; размышления о применимости “мемического” подхода в гуманитарных и социальных науках; импульсы, исходящие от наследия Веселовского, при изучении текста, интертекста, контекста, структуры и трансформации текста, семантических факторов и медиальных средств,

обеспечивающих длительное функционирование фольклорных текстов, а также их изменения в зависимости от различных контекстов; значимость его научных открытий при разработке методов изучения фольклорных текстов с точки зрения “формальной эстетики”, а также с опорой на словари мотивов, типов, символов и мн. др. Без освещения не остались также вопросы о реализации идей и гипотез Веселовского в зарубежной и отечественной науке, о введении в научный обиход текстов этого ученого, ставших библиографической редкостью или хранящихся в архивах и никогда прежде не публиковавшихся, о переносе на электронные носители всех трудов основателя исторической поэтики.

Первый день научного мероприятия открылся докладом д.ф.н *А.Е. Махова* (Москва, ИМЛИ РАН, ИНИОН РАН, РГГУ) «Из истории понятия “мотив”: Веселовский versus Шерер». Докладчик отметил, что понятие “мотив” вошло в терминологический арсенал музыковедения и художественной критики в середине XVIII в., к области художественной словесности было впервые применено в работе И.В. Гёте и Ф. Шиллера “Об эпической и драматической поэзии” (1797), а в систему литературоведческих понятий было введено в конце XIX в. практически одновременно В. Шерером (в Германии) и А.Н. Веселовским (в России). Последний не мог не знать об идее Шерера построить “всеобщее учение о мотивах” (намеченное в его посмертно изданной “Поэтике”, 1888), однако русский ученый, очевидным образом учитывая определение мотива у Шерера, сделал в нем существенное изменение: если у Шерера мотив — “элементарная, обладающая собственным единством часть определенного поэтического материала (Stoff)”, то у Веселовского — элемент сюжета (понятие о котором у Шерера отсутствует). Шерер понимал мотив как единицу литературной антропологии (мотивы, по его мнению, извлекаются из области человеческого поведения; поэтому “общее учение о мотивах — это этика”, а каталог мотивов стал бы “обзором человеческих характеров,

чувств, мыслей, поступков”), Веселовский – как единицу повествования (мотив – “простейшая повествовательная единица”). А.Е. Махов также отметил, что обрисованное им принципиальное расхождение в трактовке понятия “мотив” у Шерера и Веселовского сохраняется и в дальнейшем развитии русской и немецкой литературоведческих традиций.

Д.ф.н. *Д.М. Магомедова* (Москва, РГГУ, ИМЛИ РАН) заинтересовала слушателей докладом “Жанр стихотворного диалога в свете исторической поэтики”. Стихотворный диалог, отметила докладчица, гибридный литературный жанр, основным признаком которого является композиционное оформление текста в виде обмена репликами двух или более персонажей. Он насчитывает сотни текстов как в русском и европейском фольклоре, так и в книжной традиции, и представляет большой интерес для исторической поэтики как пограничное явление между лирикой и драмой, с одной стороны, лирикой и эпосом (басня, баллада, новелла, роман), с другой стороны, и, в какой-то степени, лирикой и внелитературными жанрами (ученый диалог, философский или богословский диспут). Переходность жанра превращает его в экспериментальную творческую лабораторию, позволяющую осваивать чужеродные для “чистой” лирики поэтические принципы, такие как “разноречие”, “многоязычие”, прозаизация сюжета и т.д. Это жанр с глубокой и устойчивой жанровой памятью, восходящей к обрядовой календарной поэзии, древним ритуалам, античным буколикам, средневековым диалогам.

Ph. D. *Б.П. Маслов* (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ; США, Чикагский университет) в докладе “А.Н. Веселовский о рецепции литературных текстов: к критике понятия суггестивности” выбрал редкий аспект рассмотрения вклада Веселовского в науку о литературе – в связи с проблематикой психологии творчества и рецепции литературных текстов. В самом деле, в ключевом заключительном пассаже статьи “Из введения в историческую поэтику” (1894) Веселовский опирался на понятие “суггестивности” для объяснения процессов актуализации “видимо забытых” сюжетов и форм, а также для проведения различия между более или менее успешными (“большими”) поэтами. Более того, проясняя этот термин, Веселовский прямо отсылал своего читателя к английской эстетической традиции. Особое внимание докладчик уделил фундаментальному исследованию “Определение поэзии”, маргиналии к которому указывают на намерение Веселовского интегрировать понятие суггестивности в начальную главу “Исторической поэтики”. В докладе была

предпринята попытка реконструкции той формы, которую приняла бы концепция исторической поэтики, если бы Веселовский смог довести до конца переосмысление и редактирование “Определения поэзии”. Также была высказана гипотеза об источниках данного понятия у Веселовского в трудах Е. Далласа и Дж. Рёскина. Таким образом, в основе создаваемой им исторической поэтики оказывается универсальное психологическое понятие, совсем не подверженное историческому изменению.

В докладе «Феномен “ретроспективности” в понятийно-концептуальных контекстах “Исторической поэтики” А.Н. Веселовского» к.ф.н. *М.Ф. Надъярных* (Москва, ИМЛИ РАН) показала, что историческая поэтика мыслилась и развивалась Веселовским как универсальное обобщение целостности литературного смысла во всей сложности взаимодействия смысловой изменчивости с факторами сохранности смысла. В соответствии с формулируемой задачей (“Задача исторической поэтики, как она мне представляется, определить роль и границы предания в процессе личного творчества”) особое место изначально уделялось ученым “неразрешаемой” проблемности индивидуализации творческого акта. Детализируя теоретические трудности, возникавшие на пути осмысления этого процесса, Веселовский обратил внимание на диалектику встреч и взаимодействий литературных и народно-поэтических образцов, определяющую генезис и логику становления европейской литературы. Генетическая литературно-фольклорная двойственность, фиксируемая со времени европейского Средневековья, предстала в его работах как константа развития европейских литератур, обуславливая общую логику проявления в них феномена “ретроспективности”. **Понятие “ретроспективность” обозначает у Веселовского все разнообразие литературных возвращений к “забытым” (“вымершим”) сюжетам, образам, темам, “воскресающим” в новом художественном видении. Вписывая “ретроспективность” в систему факторов литературной цикличности, Веселовский осуществил сравнительно-типологическую реконструкцию возвратно-поступательных тенденций в литературном процессе. Проявление функций и смыслов такой “ретроспективности” играло немаловажную роль в осмыслении новой и новейшей литературной ситуации, в систематизации “архаистических подновлений”, ознаменовавших эпоху романтизма и наблюдаемых Веселовским в современной ему литературе.**

К.ф.н. *Т.М. Хаджиева* (Москва, ИМЛИ РАН) в докладе “Эпитет в карачаево-балкарском нарртском эпосе в свете идей А.Н. Веселовского”

проследила на материале охотничьей поэзии карачаевцев и балкарцев, как дошедшие до наших дней фольклорно-этнографические материалы отражают модификации мифологических образов, обрядов, поэтики, а также переход некоторых охотничьих песен в другую жанровую систему.

В докладе *А.Л. Рычкова* (Москва, ВГБИЛ) “Разыскания А.Н. Веселовского по религиозному фольклору в критическом осмыслении Е.В. Аничкова 1920–1930-х гг.” были освещены перипетии непростых творческих взаимоотношений двух больших русских ученых. Начатые Е.В. Аничковым еще под руководством Веселовского исследования в области исторической поэтики в период эмиграции первого в 1920–1930-е гг. обратились к французскому Средневековью: темам легенды о Граале в куртуазной литературе XII–XIII вв., роли неоманихейства и христианского мистицизма в поэзии трубадуров, обоснованию авторской концепции “катаро-иоахимитского влияния” на рыцарский “поиск” Грааля (“*Queste*”). В своих публикациях 1920–1930-х гг. на сербском, итальянском и французском языках Аничков подвергал критической переоценке “богомильскую гипотезу” своего учителя о проникновении славянского сектантства в Европу. Итогом множества тематических публикаций стала его монография об Иоахиме Флорском (1931). Книга оказала заметное влияние на роман Д.С. Мережковского “Данте”, была положительно оценена представителями школы К.-Г. Юнга и вызвала широкую полемику в западной критике.

На одной из ключевых проблем западной компаративистики и нарратологии сосредоточился в своем докладе “Наследие А.Н. Веселовского в европейском контексте” д.ф.н. *В.И. Тюпа* (Москва, РГГУ). В первую очередь, докладчик отметил, что, в отличие от формальной школы, оказавшей заметное влияние на западное литературоведение и европейскую гуманитарную мысль XX в., историческая поэтика Веселовского до сих пор остается малоизвестной на Западе. Между тем сформулированная им в 1870 г. концепция “параллельных исторических рядов”, изучаемых в целях “достижения возможно полного обобщения”, составляет одну из наиболее глубоких и эффективных версий компаративизма. Отсутствие в западной науке опыта исторической поэтики — весьма существенная в ней лакуна. В наше время это тормозит, например, развитие нарратологии, где давно уже назрел пока неосуществленный переход от теоретических конструкций нарративности к изучению исторических закономерностей эволюции нарративных практик.

Тема европейских переключек в наследии Веселовского была продолжена д.ф.н. *Ю.В. Манном* (Москва, ИМЛИ РАН, РГГУ) в докладе “А.Н. Веселовский о русском романтизме: включение в европейский контекст”. Так, по мысли докладчика, можно кратко определить заслугу Веселовского в изучении русского романтизма, но с неременной заменой единственного числа множественным (*контексты*). Таких контекстов, по мнению Ю.В. Манна, как минимум, три. Во-первых, русский романтизм рассматривался в аспекте современных ученому XIX в. течений “общественной психики”, в их взаимной полемике или взаимодействии (например, с одной стороны, представители “Бури и натиска”, с другой — по определению Веселовского, “мирные энтузиасты чувствительности”). Во-вторых, было установлено типологическое сходство романтизма по вертикальной линии (например, с искусством эпохи итальянского Возрождения). Наконец, присущие романтизму реалии философского и идеологического плана преломились в плоскости художественных категорий, таких как мотив, сюжет, образ автора (по позднейшей терминологии) и т.д. Тем самым изучение романтизма как дисциплины было оформлено Веселовским одновременно в двух аспектах: исторической поэтики и компаративистики.

К.ф.н. *О.В. Смолицкая* (Москва, РГГУ) в докладе “А.Н. Веселовский как исследователь и переводчик Боккаччо” отметила, что литература и культура итальянского Возрождения была хорошо известна русскому читателю XIX в. Данте, Петрарка, Тассо и Ариосто упоминались многими русскими поэтами эпохи, их произведения широко цитировались. Тем необычнее на этом фоне выглядит почти полное отсутствие отсылок к Боккаччо и его книге “Декамерон”, их не упоминает даже А.С. Пушкин, необычайно чуткий к европейской поэзии прошлых веков. И только появившееся в 1900 г. стихотворение В.Я. Брюсова “Флоренция Декамерона” свидетельствует о том, что этот автор, наконец, вошел в русскую читательскую культуру. Докладчица подчеркнула обусловленность указанного факта переводом “Декамерона” на русский язык, выполненным незадолго до этого Веселовским (первое изд. 1891–1892, второе изд. 1896), а также выходом в свет его исследования “Боккаччо, его среда и сверстники” (1893–1894). В периодике тех лет разгорелась бурная дискуссия о том, нужен ли современному русскому читателю “Декамерон”; по мнению Веселовского, различить безнравственность и название вещей их собственными именами, столь характерное для культуры итальянского

Возрождения, русский читатель пока не смог. Особенности языка “Декамерона” в переводе Веселовского ясно дают понять, что перед нами не легкое фривольное “чтиво”, а книга, которая вызывает уважение и почтение, так как занимает важное место в истории европейской литературы. А чтобы определить и уяснить для себя это место, читатель может обратиться к исследованию Веселовского “Боккаччо, его среда и сверстники”.

Д.ф.н. *И.О. Шайтанов* (Москва, РГГУ) представил доклад «План и издательская судьба “Исторической поэтики” А.Н. Веселовского». Основываясь на опыте издания в 2006 г. “Исторической поэтики” выдающегося русского ученого, впервые осуществленного в соответствии с авторским планом и дополненного реконструкцией тех частей, которые Веселовский не успел дописать в рамках своей книги (см.: *Веселовский А.Н. Избранное: На пути к исторической поэтике* / Сост. И.О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010), докладчик реконструировал историю замысла новой поэтики и его воплощения. По мысли И.О. Шайтанова, с первых шагов мысль Веселовского о методе истории литературы освобождалась от позитивистской моды и развивалась на основе сравнительного метода, но далеко не сразу ученый XIX в. принял казавшееся ему архаичным понятие “поэтика”. Это произошло лишь на границе 1890-х гг. в работе “Определение поэзии” (опубликованной в 1959 г. и впервые включенной в издание “Исторической поэтики” в 2006 г.), где “программа” поэтики обрела, наконец, форму и план, в согласии с которым Веселовский и начал последовательное исполнение своего замысла.

В заключение первого дня работы конференции состоялась презентация проекта “Биография А.Н. Веселовского”, подготовленная к.ф.н. *Т.В. Говенько* (Москва, ИМЛИ РАН) и Ph.D. *Серджио Маццанти* (Италия, Мачератский университет). В биографическом обзоре, предложенном вниманию слушателей, была сделана попытка обобщить все, что известно на сегодняшний день о жизненном пути Веселовского, членах его семьи, драматических обстоятельствах его личной жизни. Акцент был сделан на истории его семьи, зарубежных научных контактах (с А. де Губернатисом, А. д’Анконой, Р. Кёлером, Л. Лемке, Г. Парисом и др.) и дружеских отношениях с российскими учеными (Ф.И. Буслаевым, О.Ф. Миллером, А.И. Кирпичниковым, Ф.Д. Батюшковым и др.). Анализ научного наследия и взглядов ученого в задачу авторов обзора не входил. Рассказ Т.В. Говенько сопровождался показом богатого иллюстративного материала, по большей части извлеченного из архивов.

Второй день работы конференции открылся дискуссией, касавшейся восприятия книги Веселовского «В.А. Жуковский: Поэзия чувства и “сердечного воображения”» (1904). Д.ф.н. *А.А. Гугнин* (Беларусь, Полоцкий университет) в докладе “Бесспорные достоинства как недостатки и недостатки как гениальные прозрения: попытка понять книгу А.Н. Веселовского о В.А. Жуковском в контексте современного состояния науки” отметил, что эту монографию нельзя читать в отрыве от эпохального замысла “Исторической поэтики”. Докладчик подчеркнул, что Веселовский явно экспериментировал, когда рассматривал жизнь и творчество Жуковского в русле тех приемов анализа, которые он разработал в написанных о древней и средневековой литературе главах “Исторической поэтики” и сопутствующих ей книгах, статьях, набросках, т.е. с точки зрения генезиса, выявления мотивов и лейтмотивов, вытекающих из “предания”, — из предшествовавшей Жуковскому литературы. Так как Веселовскому, по мнению А.А. Гугнина, удалось доказать, что поэт являет собой высшую точку “карамзинского периода”, или пик сентиментализма в России, то тем самым эффективность разработанного ученым научного метода стала очевидной также применительно и к истории новой литературы. Напротив, Ph.D. *Серджио Маццанти* (Италия, Мачератский университет) в докладе “А.Н. Веселовский как исследователь творчества В.А. Жуковского”, отметив факт своих многолетних занятий наследием Веселовского, методологическими вопросами литературоведения и других гуманитарных наук, историей славянского язычества и теоретическими проблемами перевода, подчеркнул, что в своем докладе остановится на исторических контекстах и предпосылках к исследованию Веселовского о творчестве Жуковского. При сопоставлении монографии Веселовского о Жуковском с концепцией исторической поэтики ученого-энциклопедиста итальянский исследователь пришел к выводу о том, что творчество Жуковского рассматривалось Веселовским как “хронологический момент” исторической поэтики, т.е. как промежуточный этап между сентиментальной поэзией карамзинской эпохи и романтизмом, с одной стороны, и между автоматическим, безжизненным повторением чужих формул и подлинным переживанием тех же формул в процессе выражения индивидуальных чувств — с другой. Поэтому монография о Жуковском позволяет дополнить и уточнить неоконченную из-за смерти автора часть книги “Историческая поэтика” и показывает перспективность учения Веселовского не только в области фольклористики и изучения

традиционной анонимной литературы, но и для понимания более новых авторов.

Творческой связи двух выдающихся русских филологов разных эпох был посвящен доклад д.ф.н. *Г.И. Данилиной* (Тюмень, Тюменский университет) “Идеи А.Н. Веселовского в трудах А.В. Михайлова”. В 1980–1990-е гг. в работах “Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры”, “Несколько тезисов о теории литературы”, “Вильгельм Дильтей и его школа” и др. А.В. Михайлов продумывал концепцию науки о литературе, объединявшую теоретические и исторические аспекты. Эту концепцию ученый XX в. строил на основе предшествующего опыта мировой науки, прежде всего – русской исторической поэтики как перспективной научной школы, и пришел к выводу о том, что современное представление о предмете и методологии науки о литературе требует актуализации идей Веселовского 1870-х гг. как “широкого представления о предмете исторической поэтики”. В центр внимания докладчицей была поставлена проблема историчности научного сознания; она стремилась выявить, как на основе идей Веселовского А.В. Михайлов разрешал данную проблему. При сопоставлении отечественного и западного подходов к проблеме историчности Г.И. Данилина привлекла немецкий феноменологический контекст (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер).

Рецепции идей А.Н. Веселовского в русской фольклористике посвящены доклады к.ф.н. *С.П. Сорокиной* (Москва, ИМЛИ РАН) “Идеи А.Н. Веселовского в трудах П.Г. Богатырева” и д.ф.н. *И.В. Силантьева* (Новосибирск, Институт филологии Сибирского отделения РАН) “Теория мотива А.Н. Веселовского в рецепции В.Я. Проппа и проблема мотивного инварианта”.

В первом из них докладчица остановилась на особенностях научного становления П.Г. Богатырева, которое в значительной степени проходило под влиянием идей формальной школы, а самой молодой исследователь являлся членом Московского лингвистического кружка (1915–1924). Хотя представители формализма критически относились к предшествующим научным школам, в том числе к учению А.Н. Веселовского, исследование поэтики художественного произведения, занимавшее главное место в работах формалистов, не могло осуществиться вне контекста его теорий. В докладе С.П. Сорокиной были выявлены научные подходы Богатырева, сформированные под влиянием идей Веселовского.

И.В. Силантьев в своем докладе познакомил слушателей с процессом и результатами анализа

теоретической рецепции основных положений теории мотива в книге В.Я. Проппа “Морфология сказки”. Была подчеркнута важность семантического критерия целостности мотива у Веселовского, а также охарактеризована полемика обоих ученых по вопросу о целостности мотива и рассмотрена проблема мотивного инварианта. Докладчик установил принципиальное типологическое сходство понятия функции действующего лица в трудах Проппа и понятия мотивного инварианта, развиваемого в позднейших направлениях структуральной концепции мотива.

К.ф.н. *Э.Г. Рахимова* (Москва, ИМЛИ РАН) в докладе “А.Н. Веселовский и финские приверженцы историко-географического подхода” познакомила слушателей с восприятием идей русского ученого в Финляндии.

Д.ф.н. *О.А. Богданова* (Москва, ИМЛИ РАН) выступила с докладом “Идеи А.Н. Веселовского в достоевковедении 1920-х годов (Б.М. Энгельгардт, В.Л. Комарович, Л.П. Гроссман)”, посвященным проблемам методологического становления российской науки о Ф.М. Достоевском в связи с рецепцией идей А.Н. Веселовского. Было показано, что в достоевковедческих работах 1920-х гг. (Б.М. Энгельгардт, Л.П. Гроссман, В.Л. Комарович, А.Г. Цейтлин, В.В. Виноградов, М.М. Бахтин) аналитические возможности обобщающей поэтики Веселовского и телеогенетический подход к единичному художественному произведению не исключали друг друга, но сосуществовали в разных планах научного исследования. Так, например, Гроссман, выдвигая в статьях “Бакунин и Достоевский” (1923) и «Бакунин в “Бесах”. Ответ Вяч. Полонскому» (1924) гипотезу о М.А. Бакунине как прототипе Ставрогина из “Бесов” Достоевского, в качестве аргументов использовал категории и методологические принципы “Поэтики сюжетов” Веселовского. Комарович в полемическом ответе Гроссману «“Бесы” Достоевского и Бакунин» (1925), опираясь на выводы Энгельгардта в книге “Александр Николаевич Веселовский” (1924), доказывал неправомерность применения “поэтики сюжетов” Веселовского, строящейся в “границах литературного предания”, к “процессу индивидуального творчества”, тем самым разрушая гипотезу Гроссмана о Бакунине как прототипе главного героя “Бесов”. Однако тот же исследователь с одобрением указал на ученых 1920-х гг. (Цейтлина, Виноградова), которые, строя сюжетологию Достоевского, не могли и не хотели игнорировать научный опыт Веселовского.

К.ф.н. *Н.Н. Смирнова* (Москва, ИМЛИ РАН) в докладе «О преломлении идей А.Н. Веселовского в концепции “медленного чтения” М.О. Гершензона» рассмотрела аспекты непосредственного влияния работ А.А. Потебни и А.Н. Веселовского (в первую очередь, “Из истории эпитета”, 1895) на построение концепции “медленного чтения” (1911–1919) М.О. Гершензона. Особый акцент был сделан на “забвении реального смысла эпитета” в историческом процессе “эволюции художественных форм”. Гершензон, подчеркнула докладчица, рассматривал этот процесс на примере ключевых эпитетов, обозначающих состояние первоэлементов материи.

Завершили конференцию доклады к.ф.н. *Е.В. Минёнок* (Москва, ИМЛИ РАН) “Концепция А.Н. Веселовского о купальской обрядности и кумовстве” и члена-корр. РАН *А.Л. Топоркова* (Москва, ИМЛИ РАН) «А.Н. Веселовский как исследователь “Сисиниевой легенды”», вновь возвратившие слушателей к проблемам фольклора.

Первый из них был посвящен анализу программной статьи А.Н. Веселовского “Гетеризм, побратимство и кумовство в купальской обрядности”. По мнению Е.В. Минёнок, Веселовский, рассмотрев объемный корпус этнографических данных и письменных источников, пришел к выводу о том, что купальские обряды прошли несколько исторических стадий, одной из которых является воплощение сюжета о гибели Адониса, оплакиваемого Афродитой. После распространения христианства фигура Адониса, по мнению ученого, была заменена образом св. Иоанна Крестителя.

А.Л. Топорков отметил в своем докладе, что под условным названием “Сисиниевой легенды” понимается совокупность текстов, среди персонажей которых фигурируют святой Сисиний или другие

действующие лица со сходными именами. Разные варианты “Сисиниевой легенды” широко известны у многих народов Ближнего Востока, Северной Африки и Восточной Европы. А.Н. Веселовский посвятил “Сисиниевой легенде” несколько статей, в которых рассмотрел ее на широком сравнительном материале, используя греческие, еврейские, коптские, эфиопские, русские, южнославянские и другие тексты. В XX – начале XXI в. “Сисиниева легенда” вновь привлекла внимание ученых разных стран, причем были открыты новые тексты на различных материальных носителях (например, арамейские тексты в записях на магических чашах).

Итак, в прочитанных на конференции докладах выдающийся русский филолог-энциклопедист А.Н. Веселовский предстал практически во всем диапазоне своих широчайших научных интересов. Особое внимание было уделено растущей востребованности его теоретических, источниковедческих и методологических открытий в русской и зарубежной науке как прошедшего XX в., так и начавшегося XXI в. При этом было показано, что потенциал творческого наследия Веселовского далеко не исчерпан, ряд его идей способны оживить те или иные научные направления современности.

Конференцию сопровождали содержательные дискуссии после большинства докладов. Высказанные замечания и пожелания были учтены докладчиками при подготовке вскоре вышедшего по итогам научного мероприятия сборника статей “Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы” (Отв. ред. Т.В. Говенько. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 320 с.), адресованного фольклористам, литературоведам, культурологам, историкам, этнографам, а также студентам и преподавателям гуманитарных высших учебных заведений и всем заинтересованным читателям.

О.А. Богданова,
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
olgabogda@yandex.ru
Olga A. Bogdanova,
Doctor of Philological Sciences,
Senior researcher at the A.M. Gorky Institute of
World Literature
of Russian Academy of Sciences
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
olgabogda@yandex.ru

Т.В. Говенько,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
govenko@mail.ru
Tatyana V. Govenko,
Candidate of Philological Sciences (Ph. D.),
Senior researcher at the A.M. Gorky Institute of
World Literature
of Russian Academy of Sciences
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
govenko@mail.ru